

Мазманян
Валерий
Григорьевич
09.07.1953

Мазманян Валерий Григорьевич

родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего.

В 1975 году закончил

Пятигорский государственный педагогический институт
иностранных языков.

Живёт в Москве. Работает в системе образования.

Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

И в снах остаются не зимы, а вёсны

Настольную лампу включи - и два кресла,
шкафы, и их тени из мрака воскреснут,
надеждой пустой, оправданием, ложью
бессонная ночь мою душу тревожит.

Приляжешь - комками в ногах одеяло,
одних покаяний для прошлого мало,
холодная мгла за окном тяжелеет,
напрасные вздохи - цена сожалений.

А в памяти шум, как на людном вокзале...
расстались и главное мы не сказали,
что в море житейском ты - парус, я - вёсла,
и в снах остаются не зимы, а вёсны.

Но я ещё не ведаю, что вы - моя бессонница

Сугробы дремлют тучные,
под снегом ветка хрустнула,
припомнитесь по случаю
в мою минуту грустную.

Ещё декада минула,
луна уже в три четверти,
зима - пора унылая
холодным длинным вечером.

Глаза закроешь - прошлое
шумит в душе вокзалами,
осталось - всё хорошее
и слово запоздалое.

С печалью справлюсь, с бедами,
и лёд на речке тронется...
но я ещё не ведаю,
что вы - моя бессонница.

Снежинкой мотылёк воскрес

Штрихует ветками калина
оконный сумрак по косой,
а если бы ты позвонила,
я в ночь бы кинулся босой.

Сугроб разлёгся тушей гладкой
и спит себе спокойным сном,
с бессонницей играю в прятки
и прячусь от тебя в былом.

А припозднившийся прохожий
за тенью собственной спешит,
весь путь - от истины расхожей
до мудрости своей души.

Влюблённый верит, знают дети,
что наша жизнь полна чудес...
снежинкой - вдруг в фонарном свете -
сгоревший мотылёк воскрес.

А тени зимние скрижали напишут вязью на снегу

Кленовый лист в зеркальной луже
застыл кусочком янтаря,
а ветер рой снежинок кружит
вокруг ночного фонаря.

Твой силуэт в оконной раме
и чёрных веток кружева,
немало было между нами,
но главное - любовь жива.

Во взглядах больше откровений,
и ночь такая, как хотел,
сугробы встали на колени
в надежде вымолить метель.

Забудь, что мы не удержали
и что теряли на бегу...
а тени зимние скрижали
напишут вязью на снегу.

А голубь бьёт поклоны у крыльца

Светает в восемь, сумрак - к четырём,
уже привычна канитель,
алмазной крошкой снег под фонарём
вчера украсила метель.

Белить дома и рощицу устал,
исчез в проулке снегопад,
сугроб пугают тени от куста
и звуки дворницких лопат.

Не хочешь, а согласишься - постарел,
тряхнуть бы сединой разок,
берёза, чтобы не забыть апрель,
на ветке вяжет узелок.

Сотрутся с памяти черты лица,
в былое ночью убегу...
а голубь бьёт поклоны у крыльца
за крошки хлеба на снегу.

И месяц в золочёный рог для облака трубит

Начнём судить, где чья вина,
никак без горьких слёз,
сугроба белая спина
у белых ног берёз.

Длиннее вечер стал на треть,
есть время - говори,
у окон тянут теней сеть
худые фонари.

И месяц в золочёный рог
для облака трубит,
мы после пройденных дорог
простой оценим быт.

Что всё - судьба, житейский круг,
как хочешь, назови...
а два кольца сомкнутых рук -
символика любви.

И солнце на груди синиц оставит поцелуев след

Осенних клёнов медный звон
ненастный вечер призовет,
прощаний и разлук сезон
откроет журавлей отлёт.

И звёздочки последних астр
дожди поспешно расклюют,
берёза золото отдаст
за неба голубой лоскут.

И капли крови у рябин
с прикушенных сорвутся уст,
и только те, кого любил,
ночную присылают грусть.

В круговороте дней и лиц
не растеряем память лет...
и солнце на груди синиц
оставит поцелуев след.

Трепещет рыбкой золотой листочек в неводе ветвей

Дожди с собой октябрь принёс,
распутал серые мотки,
а из одежды у берёз -
одни ажурные платки.

Чернеют клёны - не беда
и не предчувствие конца,
и у рябин не от стыда
горит румянец в пол-лица.

И выпал жребий голубям -
в ненастье мерить окоём,
любить без памяти тебя -
одно желание моё.

Нам год оставил непростой
по две морщинки у бровей...
трепещет рыбкой золотой
листочек в неводе ветвей.

Сугробы падают ничком и молятся на снегопад

Вчерашний разговор начнём -
на всё у каждого свой взгляд,
сугробы падают ничком
и молятся на снегопад.

А снег в четыре дочерна
заштриховал окна проём,
зимой длиннее вечера,
чтобы понять с кем мы вдвоём.

Молчим, вздыхаем, говорим,
что жаль, года своё берут,
наносят ветки белый грим,
всего за несколько минут.

Зрачок тускнеет фонаря,
уснула, погашу торшер...
что серый сумрак декабря,
когда светлеет на душе.

Сугроб прижался грудью

Темно - и спать не ляжешь,
и длинный вечер - мука,
метель из белой пряжи
соткала серый сумрак.

Седые эти ночи
морщин оставят метки,
беременности почек
весной дождутся ветки.

И мы судьбу осилим,
плохое всё забудем,
к ногам худой осины
сугроб прижался грудью.

Поверь избитой фразе:
года для чувств - не вето...
сдвинь шторы - и алмазы
найдёшь в полоске света.

Допоздна в метель не спится

На дома, на тополь голый
снегопад обрушил небо,
воробьи и сизый голубь
не дождались крошек хлеба.

За судьбой не доглядели,
допоздна в метель не спится,
за петлёй петля - недели
на твои ложатся спицы.

Никого с тобой не судим,
что в душе печали кокон,
и берёза с белой грудью
зазвенит серьгой у окон.

И ручья подхватят голос
поутру хоры капли...
и простишь за белый волос,
и за то, что не допели.

Рябины горькие уста - медовые к зиме

Ругнём - веками повелось -
дожди и суету,
берёза золотом волос
прикрыла наготу.

И пусть у нас настрой плохой,
и пусть пейзаж уныл,
в ночи над худенькой ольхой
сияет нимб луны.

Извечный осени обряд -
былое ворошить,
забрали ветры октября
у тополя гроши.

Шепнёшь, что просто подустал,
не всё держи в уме...
рябины горькие уста -
медовые к зиме.

И осень не зря привечают берёзы в парчовых одеждах

Уже не простишь, что домыслил
за нас судьбоносные роли,
как бабочек, палые листья
иголки дождей прокололи.

Что будет и как обернётся,
не думает только влюблённый,
бросаются золотом солнца
в прохожих осенние клёны.

Прощальная сцена романа
под крик журавлиного клина,
у зеркала лужи румяна
подправила утром калина.

Кусты, бронзовея плечами,
на жизнь не теряют надежды...
и осень не зря привечают
берёзы в парчовых одеждах.

А у рябин припухли губы от долгих поцелуев ветра

Позолотило тротуары
к прощальной встрече бабье лето,
сентябрь сжигает мемуары,
бросая в пламя бересклета.

Осенней грустью занедужит
сегодня бесконечный вечер,
боярышник считает лужи,
накинув красный плащ на плечи.

И что в душе пошло на убыль,
никто из нас не даст ответа,
а у рябин припухли губы
от долгих поцелуев ветра.

И не вернуть того, кто ближе
ни плачем, ни мольбой у свечи...
в безлюдном сквере клёнам рыжим
берёзы отдадут сердечки.

И прячет осеннюю грусть сентябрь за ресницы сосны

Туман у реки в рукаве,
и дождь паутиной повис,
и солнечным бликом в траве
сверкает берёзовый лист.

Что любят без близости душ,
об этом так долго молчал,
в морщинах асфальтовых луж
ушедшего лета печаль.

Улыбкой меня приголубь,
и что-то простим и поймём,
но горечь рябиновых губ
сейчас в поцелуе твоём.

Досмотрит шиповника куст
последние летние сны...
и прячет осеннюю грусть
сентябрь за ресницы сосны.

А калина с зорькой алой породнилась до зимы

Птичья стая небо просит
дать ей лёгкий перелёт,
для берёз сегодня осень
золотую пряжу ткёт.

Журавли с утра - за море,
всё оставив на потом,
торопливый дождь замост
солнца бледное пятно.

Теплота руки - и милость,
и лекарство от тоски,
паутинки зацепились -
серебрят твои виски.

Не оставим в листьях палых
ни слезы, ни вздоха мы...
а калина с зорькой алой
породнилась до зимы.

Берёза жёлтые заплатки поставила на рукава

Следим за солнечной монеткой,
исчезла - ждите к ночи дождь,
листва цепляется за ветки,
а мы - за то, что не вернёшь.

На память сердца август падкий,
за вздохом - грустные слова,
берёза жёлтые заплатки
поставила на рукава.

Румянили рябины лица
в жару к приходу сентября,
о чём взгрустнётся, что приснится,
судьбой даровано не зря.

И дождь - по норову скиталец -
так будет осенью речист...
а бабочка на белый танец
зовёт, кружась, опавший лист.

И помолятся ивы реке, проводив караваны гусей

Подсчитал ветерок-казначей
золочёные блики в пруду,
синевой августовских ночей
наливаются сливы в саду.

Седину - увяданья печать -
паутинкой с тобой наречём,
а рябины готовы встречать
приходящий сентябрь кумачом.

И смущая прохожих умы,
поцелуй прилюдно дари,
на порхающих бабочек мы
так сегодня похожи внутри.

Задержи мою руку в руке -
остановим времён карусель...
и помолятся ивы реке,
проводив караваны гусей.

Бабье лето ещё погостит в золотых теремах сентября

Заалели калины уста,
мотылёк за геранью уснул,
и стареющий август устал
покрывать позолотой листву.

Затаилась за вздохами грусть -
наши пряди уже в серебре,
собирает шиповника куст
капли зорьки к осенней поре.

В чувствах каждый себе господин,
если хочешь, сначала начнём,
а на стенах узоры гардин
день рисует закатным лучом.

Пожелтевший листочек в горсти,
журавли собрались за моря...
бабье лето ещё погостит
в золотых теремах сентября.

А бабочек белые пляски под занавес август припас

Мелодия старой пластинки
забытой печалью светла,
и облако - смятой косынкой -
на воду уронит ветла.

Жалеть, как хотелось, не вышло -
и вздохи и фразы пусты,
и осень крадётся неслышно
по меткам опавшей листвы.

И грустно - красивые сказки
писались, увы, ни для нас...
а бабочек белые пляски
под занавес август припас.

Где время сыплется из рук сухим песком на берегу

Когда судьба загонит в круг,
на день-другой туда сбегу,
где время сыплется из рук
сухим песком на берегу.

Где блики золотой казной
куда-то унесёт река,
и в талый воск расплавит зной
в июльском небе облака.

Увижу этот мир птенцом,
пойму, что столько проглядел,
и косами закрыв лицо,
ветла помолится воде.

Волна откроет ветру грудь,
поднимут чайки общий крик...
и так захочется вернуть
не годы, а любовный миг.

И звон дождей, и запах лип

Качнётся занавески тюль -
распишет тень полы под гжель,
несёт к окну хмельной июль
и запах лип, и звон дождей.

А в ряби лужи дрожь берёз
и месяц - сломанным кольцом,
в копну рябиновых волос
уткнулось облако лицом.

Встревожат небо сизари,
где звёздочка над ивняком,
летающая на свет зари,
ночным сгорает мотыльком.

Что время к осени спешит,
напомнит мокрой ветки всхлип...
строка из дневника души -
и звон дождей, и запах лип.

А осень к сердцу кралась, прикинувшись дождём

Листочек жёлтый метил
ушедший летний миг,
и тени рваной сетью
ловили солнца блик.

И шёл июль со свитой
шмелей и мотыльков,
роняли в пруд ракиты
платочки облаков.

Казалось, ближе малость -
и словом не солжём,
а осень к сердцу кралась,
прикинувшись дождём.

Не зря сплетали руки
при виде нас кусты...
и знали цвет разлуки
опавший лист и ты.

Где ловит руками ветла скользящие блики реки

Окрасил июльский закат
полнеба, цветущий кипрей,
возьмём у судьбы напрокат
беспечность на несколько дней.

Морщинки забудь и лета,
туда все дороги легки,
где ловит руками ветла
скользящие блики реки.

Напьемся водицы живой,
покормим с руки голубей,
и тени платок кружевной
накинут на плечи тебе.

На счастье - минутный тариф,
трава скроет наши следы...
а в памяти дремлющих ив
останемся рябью воды.

И летящий от тополя пух мотыльками садится на куст

Рядом с облаком голубь парит
ни домашний, ни дикий - ничей,
а в распущенных косах раки
золотые заколки лучей.

Мы уже различаем на слух
проскользнувшую в голосе грусть,
и летящий от тополя пух
мотыльками садится на куст.

Ни тебе и ни мне в этот день
никакой не вернуться тропой,
где упавшую в обморок тень
окружили ромашки толпой.

Расставание - смена времён,
из бывшего уже говорю...
у окна зацветает пион,
собирающий в сгусток зарю.

На смятом облачном листе сизарь начертит круг

Стряхнула вишня с рукава
соцветий лепестки,
и одуванчик тосковал,
что белые виски.

И были смех, и вздор речей,
и весь июнь копил
цвета коротеньких ночей
сиреневый люпин.

Но оказался я из тех -
ни близкий и ни друг,
на смятом облачном листе
сизарь начертит круг.

За нелюбовь не жди суда,
прости - пишу клише...
вечерней грустью навсегда
останешься в душе.

Жасмин туманом плыл у окон

Июньский вечер звуки прятал,
где в сумрак погружались дали,
и облака бумагой смятой
в закатном пламени сгорали.

Берёзы белые колени
прикрыли тени кружевами,
что этот день отдали лени
забыли, не переживали.

Жасмин туманом плыл у окон,
лилось вино и лились речи...
и грусти нераскрытый кокон
до осени припрятал вечер.

Белит тополиный пух одуванчиков виски

Цвет черёмухи снежком
предвещает холода,
ива молится тишком
у заросшего пруда.

Ливень нанесёт мазок,
зачернит во двор окно,
липа золотой песок
сыплет лужицам на дно.

Обострённый ловит слух
сколько в голосе тоски,
белит тополиный пух
одуванчиков виски.

Сдюжил дождь сирени куст,
мы - житейскую грозу...
вместе с ивой помолюсь
на вечернюю звезду.

И поклоны бьёт синица, отпуская всем грехи

Отцветает куст сирени,
одуванчик белый сник,
в кружевных накидках тени
прогоняют солнца блик.

На берёзах пеной мыльной
кучевые облака,
у стрекоз в зеркальных крыльях
отражается река.

Ветерку с утра не спится,
сарафан измял ольхи,
и поклоны бьёт синица,
отпуская всем грехи.

И слова - такая малость,
а волнение в крови...
сизари у ног собрались
и воркуют о любви.

Ронял шиповник в травы по капельке закат

Недолго дождик капал,
вздыхала зря река,
сосна мохнатой лапой
прогнала облака.

В дремоту впали тени,
ветра сморила лень,
и в облачке сирени
пропал гудящий шмель.

Будила чайка криком
грозу и спящий гром,
хотелось о великом,
а слово - о земном.

Века меняют нравы,
но не разлук обряд...
ронял шиповник в травы
по капельке закат.

И белый иней одуванчика

Весна уже уходит в прошлое -
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишнёвыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывёт по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца - столетия,
порхает бабочка-капустница,
где жёлтый лист на снег опустится.

Прошу тебя - не надо мучиться,
что поздняя любовь - разлучница...
поверь - спасёт от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

И ветерок ночной игрив - целует яблоню в плечо

Полнеба сжёт, дотлел закат
у голубиноного крыла,
а там, где плыли облака,
звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
начистят веточки берёз,
твой взгляд и шёпот нам вернут
былые чувства, радость грёз.

И ветерок ночной игрив -
целует яблоню в плечо,
мы время падающих слив
порой счастливой наречём.

Оставь во-первых, во-вторых -
найдётся повод для нытья...
и у души нет выходных
в круговороте бытия.

Синевы озерцо глоточками выпили тучи

Метели вишнёвые май разбудил,
шмеля и вечерние грозы,
родимые пятна на белой груди
платочком прикрыла берёза.

Синица на ветке торопится спеть,
что солнечно утром и ясно,
листвы прошлогодней подсчитана медь
грачами в монашеских рясах.

Шепну, что зелёное платье к лицу,
влюблённый морщинистый мальчик,
у бабочки белой сорвав поцелуй,
за ночь поседел одуванчик.

Не вспомнишь меня и забудешь лицо -
красивыми снами не мучай...
и мечется стриж - синевы озерцо
глоточками выпили тучи.

Вместе с бабочками лето по дворам разносит шмель

Блики солнечного света,
час, не больше, дождь шумел,
вместе с бабочками лето
по дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
если хочешь, говори,
у окна собрали мальвы
утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
и морщинки возле глаз,
солнце зреет сочной дыней
в этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
голубь во дворе речист...
в тень берёзы ветер прячет
первый золочёный лист.

Золотыми крупницами липы украшают обыденность лет

Попрощались - забыть всё обязан.

Под дождей несмолкаемый хор
поседел незаметно для глаза
одуванчика рыжий вихор.

Но на сны не наложено вето,
засыпаешь - и в мире ином,
и цветущей черёмухи ветка
поднимает метель за окном.

Все вчерашние лужицы выпил,
зарумянился майский рассвет,
золотыми крупницами липы
украшают обыденность лет.

Возвращается прошлое грустью,
от себя не пуститься в бега...
если речка забудет, где русло,
ей напомнят её берега.

В саду негаснущим закатом пылают красные тюльпаны

Воркуют сизари на крыше
один куплет из старой песни,
что лепестками майской вишни
снежинки белые воскресли.

За золотую жилу овод
блестящий одуванчик примет,
и для тоски найдётся повод,
когда твоё услышу имя.

Былое и во сне догонит,
и память никуда не дену,
а месяц уронил с ладони
все звёзды в облачную пену.

Останется в листочке смятом,
что сами наспех растоптали...
в саду негаснущим закатом
пылают красные тюльпаны.

И у окна надела верба наряд расшитый серебром

Последний снег склевала морось,
пожухлый лист поднял крыло,
а чайка, надрывая голос,
зовёт весеннее тепло.

Молчит душа - откуда вера,
что всё закончится добром,
и у окна надела верба
наряд расшитый серебром.

Вздохнёшь - апреля заморочки
не понимаешь, хоть убей,
а облака стирают точки,
что ставит стайка голубей.

Но укорять весну не вправе
ни ты, ни я за грустный миг...
и мать-и-мачеха в канаве
хранит в ненастье солнца блик.

Берёза у зеркальной лужи примерит новые серёжки

Не в первый раз - невзгоды сдюжим,
весенних трав увидим стёжки,
берёза у зеркальной лужи
примерит новые серёжки.

А снегу жить всего неделю,
об этом знает кустик жалкий,
и траур по зиме надели
ещё вчера грачи и галки.

Вздохнёшь, а месяц улыбнётся -
тебе решать, что в жизни вечно,
для уточки монетку солнца
достанет селезень из речки.

Дожди свои разучат гаммы,
мы журавлей уставших встретим...
истлевший до трухи пергамент
осенних листьев кружит ветер.

Над чёрным клёном во дворе сияет солнца ореол

Следил за сменами времён
большой сугроб и весь поник,
в зеркальной луже видит клён,
как к небу тянется двойник.

Погожим утром липкий снег
сосна стряхнула с рукава,
и долгий сон замёрзших рек
встревожит птичий караван.

Так было испокон веков -
природа после зим грустна,
из белой пены облаков
выходит новая весна.

И пусть седой, и постарел,
твоё "люблю", как наш пароль...
над чёрным клёном во дворе
сияет солнца ореол.

И верба снег стряхнёт с плеча

Всплакнул сугроб - своё отжил,
не сходит чернота с боков,
и синеву соткут дожди
из серой шерсти облаков.

И верба снег стряхнёт с плеча,
и серебром украсит кисть,
и блеском золота грача
обманет прошлогодний лист.

С утра читают воробьи
теней затейливую вязь,
и оба знаем - без любви
два сердца потеряют связь.

Снега разгонит по лесам
капли барабанный стук...
и ты шепнёшь - придумал сам
обыденный привычный круг.

И в синеву опустят вёсла под звон капли тополя

В погожий день и небо выше,
и ветер от берёз отстал,
в тени домов, надеясь выжить,
худой сугроб ползёт к кустам.

Пока на суету роптали,
будил подлесок птичий гвалт,
и оставляя след проталин,
прошёлся по округе март.

Сквозняк развеет сумрак комнат,
мы календарь перевернём,
и у ограды снега комья
сверкнут разбитым хрусталём.

И в синеву опустят вёсла
под звон капли тополя...
ушедшие считаем вёсны
и ждём прилёта журавля.

И облако белым китом уйдёт в глубину синевы

На памяти - небо без звёзд,
и сумрачных дней череда,
но золотом листья берёз
сверкают под корочкой льда.

Я воздух глотаю взахлёб
и лужу глубокую вброд,
где талую воду сугроб
ладонями белыми пьёт.

Февраль узелками связал
две ниточки наших следов,
недаром сегодня сизарь
воркует с утра про любовь.

Оставим с тобой на потом
и вздохи, и слово "увы"...
и облако белым китом
уйдёт в глубину синевы.

Берёза серебряный волос украсит алмазной звездой

Морозно, ломается голос,
снежинка растает слезой,
берёза серебряный волос
украсит алмазной звездой.

Пока отношения шатки,
былое с добром отпусти,
большие пушистые шапки
надели худые кусты.

Не всё перепишешь с начала,
но можно начать и с конца,
и сердце недаром стучало -
сойдутся следы у крыльца.

У дома сугробов отара -
метели пригнали, ушли...
и облачком белого пара
плохое слетает с души.

Задремавшая луна улыбается во сне

Все сугробы спеленал
к десяти вечерний снег,
задремавшая луна
улыбается во сне.

Грезится весенний день -
принесли тепло грачи,
убаюкал ветер тень,
и зажгла звезда ночник.

Суета, усталость, хмарь -
три морщинки возле глаз,
посмотри - нашёл фонарь
у окна большой алмаз.

Погрусти, но бровь не хмурь,
у судьбы не просим крох...
отзвуком житейских бурь
остаётся тихий вздох.

Худой фонарь у тёмных окон пускает жёлтую слезу

Унылый день не станет датой,
забудь и зря не морщи лоб,
на простыне, ветрами смятой,
уснул калачиком сугроб.

Раздвинешь шторы - тени в коме,
на сером - белые штрихи,
ночных воспоминаний промельк
тревожит старые грехи.

Былое тронешь ненароком,
не вороши, что там - внизу,
худой фонарь у тёмных окон
пускает жёлтую слезу.

И сколько от себя ни бегай,
найдётся повод для тоски...
с берёзой, облаком и снегом
роднятся белизной виски.

И неба серые лоскутья на чёрных ветках сушит ветер

Опять сезонов перепутье,
не отличишь от утра вечер,
и неба серые лоскутья
на чёрных ветках сушит ветер.

А там, где были снега пятна,
мерцают лужи из металла,
твоё молчание понятно -
от этой серости устала.

Одно уже не повторится,
другое - памяти отдали,
и петли времени на спицы
ложатся ровными рядами.

Добавлю в комплименты лести -
душа вспорхнёт и вёсны вспомнит...
оконным переплётom крестит
фонарь тебя и сумрак комнат.

Метелям - в память лет

По лужам облака плывут,
последний снег зачах,
и сосны держат синеву
на бронзовых плечах.

На все лады поют ручьи,
что всё в твоих руках,
гуляют важные грачи
в потёртых сюртуках.

Дождям - в жемчужную росу,
метелям - в память лет,
я, как огонь любви, несу
багряных роз букет.

Возьмёшь цветы, я, не дыша,
услышу - горячо...
и сизым голубем душа -
на белое плечо.

Вязь следов на снегу

Опавшие листья - вся память весны,
метели оставят нам белые сны,
спешим, суетимся и время торопим,
цветами на яблонях снежные хлопья.

Берёзы осеннюю медь берегут,
а летопись зим - вязь следов на снегу,
прошу улыбнись - и забудем плохое,
как празднично в доме от запаха хвои.

Клубками - сугробы и прячут носы,
луна мандарином на клёне висит,
присядешь поближе, обнимешь руками...
и вспомнят снежинки себя мотыльками.

Из пряжи запутанных веток

Наверное, тоже не спите
и вспомнили всё ненароком,
метели стирают граффити
берёзовых теней у окон.

Печаль - не единственный мостик,
который лежит между нами,
а клён - одна кожа да кости -
утешится белыми снами.

Что лучшая песня не спета,
бессонница снова пророчит,
из пряжи запутанных веток
соткутся весенние ночи.

И была судьба, и ломала,
сегодня - сердечная смута...
узнала душа, что ей мало
покоя в тепле и уюта.

Белый снег - на серый сумрак

Клён с костлявыми плечами
знает - март вернут грачи,
сядешь рядом с чашкой чая,
повздыхаем, помолчим.

Посидим с тобой без света,
пахнет в комнате сосной,
узелками чёрных веток
зимы связаны с весной.

Белый снег - на серый сумрак,
на дворы, на горизонт,
перетерпишь, если умный,
и однажды повезёт.

И поймёшь, когда мы вместе,
время - только горсть песка...
а зима - строка из песни
и седая прядь виска.

Разноцветная свита опавшей листвы

С увядающей осенью вечно морока -
забывает опять про обещанный снег,
а дожди барабаны в закрытые окна,
со слезой умоляя пустить на ночлег.

Не гадал, что скрывалось за вашей улыбкой,
и не верило сердце, что это игра,
не берёзовый лист - золотистую рыбку
доставали из невода веток ветра.

А ракита, озябшая, в платице рваном
помахала платком - возвращайтесь на круг,
переводит душа на язык расставаний
и несдержанный вздох, и касания рук.

Поддержу разговор о делах, о погоде,
понимая, что клятвы любые пусты...
уходящего в зиму, привычно проводит
разноцветная свита опавшей листвы.

Рябины горькие уста - медовые к зиме

Ругнём - не нами повелось -
дожди и суету,
берёза золотом волос
прикрыла наготу.

И пусть у нас настрой плохой,
и пусть пейзаж уныл,
в ночи над худенькой ольхой
сияет нимб луны.

Извечный осени обряд -
былое ворошить,
забрали ветры октября
у тополя гроши.

Шепнёшь, что просто подустал,
не всё держи в уме...
рябины горькие уста -
медовые к зиме.

Увядающей осени клёны золотые приносят дары

С голубыми остались вороны
сторожить до апреля дворы,
увядающей осени клёны
золотые приносят дары.

Погорюем, что видимся редко
и любовь достаётся трудом,
извивается яблони ветка,
искушая медовым плодом.

Повздыхаем и корку раскрошим,
и приветим у ног сизаря,
что потом обернётся хорошим
и гадать, и раздумывать зря.

Озаря сиянием воздух,
листопады за ветром спешат...
забывая про годы и возраст,
невозможного хочет душа.

Сшивают дожди одеяло из пёстрых лоскутьев листвы

Не плачься, что ранняя осень
красотке за сорок сродни,
а яблоки, падая оземь,
считают не годы, а дни.

Поверишь - останется вечно
что близко и дорого мне,
негаснущим пламенем свечи
берёзовый листик во тьме.

Осины в парчу разделись,
проводят сентябрь за порог,
а клёны, наверно, за ересь
сгорают в кострах у дорог.

Сшивают дожди одеяло
из пёстрых лоскутьев листвы...
и нам остаётся немало -
судьбы паутинку плести.

А клёнам в жёлтые ладони дожди бросают серебро

Душе неймётся - вот и гонит
в ненастье взяться за перо,
а клёнам в жёлтые ладони
дожди бросают серебро.

И хочешь ласкового взгляда,
и слова нежного с утра,
багряный парус листопада
порвали шалые ветра.

Всего одна твоя улыбка -
и станет розовым восток,
и золотой плеснётся рыбкой
в пруду берёзовый листок.

Ветле с покатыми плечами
помашет уточка крылом...
какая осень без печали,
без сожалений о былом.

И прощальным твоим поцелуем отпылает осиновый лист

Облетают кленовые ветки,
и к судьбе примеряемся мы,
и опавшие листья виньеткой
на заглавной странице зимы.

Вспоминается в сумрачный вечер,
как я знойное лето ругал,
а берёз обнажённые плечи
ещё помнят красивый загар.

Не горюй - и душевные раны,
и рябиновой кисти ожог
поутру, с пробуждением ранним,
забинтует пушистый снежок.

Уходящий в эпоху былую,
по-особому, видно, речист...
и прощальным твоим поцелуем
отпылает осиновый лист.

А рябины подкрасили губы, ожидая приход сентября

Вместе с днями и чувства на убыль,
журавли собрались за моря,
а рябины подкрасили губы,
ожидая приход сентября.

Ветерок твои волосы тронет,
поспешит паутинку вплести,
и дожди на кленовой ладони
наших судеб начертят пути.

А берёзоньке с чёлочкой рыжей
золотые серёжки к лицу,
промолчи, что не станем мы ближе,
уходя, с листопадом станцуй.

И останется память святая,
сновидения, строчки и вздох...
и листвы желтокрылая стая
попорхает и ляжет у ног.

И бабочкой лимонницей осенний лист закружится

Рябины губы алые
целованные ветрами,
а в сквере листья палые
считает август с ветками.

Узнает осень - выжили,
морщинками открестится,
берёза в пряди рыжие
заколку вденет месяца.

Любовь жива, а прочее
само и перемелется,
и капель многоточие
стряхнёт на плечи деревце.

И серость не схоронится
от солнца в мелкой лужице...
и бабочкой лимонницей
осенний лист закружится.

И август в ноги сентябрю медовым яблоком упал

Залётный ветер под окном
берёзе золото сулит,
вечерний дождь стальным пером
выводит на воде нули.

Худой фонарь с лицом больным
устал от шума и машин,
а день сегодняшний с былым
связали ниточки морщин.

Пойму по жесту твоих рук,
что лето кончилось - молчи,
и нотам - вздох и капель стук
ещё не раз звучать в ночи.

Тебе о чувствах говорю,
и вечер для признаний мал...
и август в ноги сентябрю
медовым яблоком упал.

А клёны на жёлтых ладонях приносят вечернюю грусть

Лист палый ветра не догонит,
в сиреневый вцепится куст,
а клёны на жёлтых ладонях
приносят вечернюю грусть.

Ничем эта осень не хуже
и будет не лучше других,
дожди на асфальтовых лужах
житейские чертят круги.

Слова распадутся на звуки,
любовным порывом не лгут,
целую красивые руки -
они создавали уют.

Покой на душе - это милость,
уже никуда не спешим...
а осень навек зацепилась
у глаз паутинкой морщин.

И ткут вечерние дожди для осени цветные ткани

Стучится дождь и серый свет
гардина в сумрак комнат впустит,
укутанный в пушистый плед
свернулся в кресле кокон грусти.

И зря гадать, о чём молчишь
и что тревожит твой покой,
не ты - компьютерная мышь
пригrelась под моей рукой.

И я боюсь, что выдаст голос -
пугает отрешённый взгляд,
лучом закатным гладиолус
на миг осветит мокрый сад.

Берёзовый листок дрожит -
сорвётся и в тумане канет...
и ткут вечерние дожди
для осени цветные ткани.

Плечи кутает калина в красный с бахромой платочек

Тонет месяца кораблик
в море синего рассвета,
стуком падающих яблок
август дни считает лета.

Жизнь казалась длинной-длинной,
осень не даёт отсрочек,
плечи кутает калина
в красный с бахромой платочек.

Не сегодня - завтра морось,
медь осин возьмём, как милость,
на висках не белый волос -
паутинка зацепилась.

В палых листьях память солнца
замерцает старой бронзой...
в унисон с ветрами бьётся
сердце жёлтое берёзы.

Август завещает флоксам до снега память сохранить

Вечерний зной и дождь короткий
не вспомнит утром девясил,
а месяц клинышком бородку
в речную воду опустил.

В окно распахнутое настужь
звезда влетела мотыльком,
и ты печальным взглядом скажешь,
что лето - это сон мельком.

Оглушит тишина пустая,
забьётся сердце у висков,
сомнёт листву берёзы стая,
в рассвет летящих облаков.

Где жёлтый лист в траву улёгся,
дожди свою распустили нить...
и август завещает флоксам
до снега память сохранить.

Вместе с бабочками лето по дворам разносит шмель

Блики солнечного света,
час, не больше, дождь шумел,
вместе с бабочками лето
по дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
если хочешь говори,
у окна собрали мальвы
утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
и морщинки возле глаз,
солнце зреет сочной дыней
в этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
голубь во дворе речист...
в тень берёзы ветер прячет
первый золочёный лист.

И ветерок ночной игрив - целует яблоню в плечо

Полнеба сжѐг, дотлел закат
у голубиногo крыла,
а там, где плыли облака,
звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
начистят веточки берѐз,
твой взгляд и шѐпот нам вернут
былые чувства, радость грѐз.

И ветерок ночной игрив -
целует яблоню в плечо,
мы время падающих слив
порой счастливой наречѐм.

Оставь во-первых, во-вторых -
найдѣтся повод для нытья...
и у души нет выходных
в круговороте бытия.

О чѐм вздохнѣт в саду сирень

Услышишь в тишине живой,
о чѐм вздохнѣт в саду сирень,
как ветер, пѣс сторожевой,
вспугнѣт берѐзовую тень.

Застынешь у окна босой
и жаль ушедшее до слѣз,
а месяц с золотой косой
пришѣл на луг цветущих звѣзд.

Не сетуй - даже не прилѣг
и не разобрана постель,
залѣтный белый мотылѣк
поднял на памяти метель.

Со мной не сумрак карауль,
а ночь и эту благодать...
оставит навсегда июль
что у души нельзя отнять.

А дождь опять нанёс штрихи

Судьбу напрасно не кори,
что нашу жизнь делить на три -
жизнь наяву, на ту, что в снах,
на ту, что прожил на словах.

Былые вспомнились грехи,
а дождь опять нанёс штрихи
на вставленный в окно пейзаж,
и грусть - порой - и крест, и блажь.

Ушла гроза, воскресла тень,
вздыхаешь - отцвела сирень,
повсюду тополиный пух,
и не спалось вчера до двух.

И что ты тут ни говори,
а жизнь опять делить на три -
на ту, что будет, что прошла,
на ту, что прожила душа.

А бабочка над красной розой

Меняют наши тени облик -
длинней, короче, вместе две,
и клевер, стриженный под бобрик,
с ромашкой шепчется в траве.

В одеждах чёрных ходят галки,
платок повязан на груди,
и оба знаем, без гадалки,
что будет с нами впереди.

Сиреневый туман лаванды,
над ним - в полнеба синева,
на всё, что сложится нескладно,
найдутся нужные слова.

А бабочка над красной розой
не верит в осень и печаль...
и вековой мерцает бронзой
загар открытого плеча.

И белый иней одуванчика

Весна уже уходит в прошлое -
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишнёвыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывёт по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца - столетия,
порхает бабочка-капустница,
где жёлтый лист на снег опустится.

Прошу тебя - не надо мучиться,
что поздняя любовь - разлучница...
поверь - спасёт от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

Беги туда, где серебрится от звёзд открытое окно

С осенних листьев позолоту
легко смывает серый дождь,
когда в толпе окликнет кто-то,
вдохнёшь - не тот, кого ты ждёшь.

Но не тянись за власяницей,
не лей багряное вино,
беги туда, где серебрится
от звёзд открытое окно.

Где голубь тянется за крошкой
и за прозрачной синевой,
а ты корнями связан с прошлым,
и сердце знает - здесь ты свой.

Где из дощатого сарая
с ведром в руках выходит мать...
и места лучшего для рая,
наверно, трудно отыскать.

Поцелованный бабочкой белой

А вчера журавлиная стая
разбудила с утра синеву,
одуванчики золото мая
уронили в сырую траву.

Поначалу и ты оробела,
я в тумане черёмух пропал,
поцелованный бабочкой белой
лепестки осыпает тюльпан.

Оказалась душа твоя чуткой,
поняла мою нежность рука,
прилетевшие дикие утки
отбелили в пруду облака.

И не верь, если фразу услышим -
выбираем дороги не мы...
в седине - и цветение вишен,
и нестёртая память зимы.

Синевы озерцо глоточками выпили тучи

Метели вишнёвые май разбудил,
шмеля и вечерние грозы,
родимые пятна на белой груди
платочком прикрыла берёза.

Синица на ветке торопится спеть,
что солнечно утром и ясно,
листвы прошлогодней подсчитана медь
грачами в монашеских рясах.

Шепну, что зелёное платье к лицу,
влюблённый морщинистый мальчик,
у бабочки белой сорвав поцелуй,
за ночь поседел одуванчик.

Не вспомнишь меня и забудешь лицо -
красивыми снами не мучай...
и мечется стриж - синевы озерцо
глоточками выпили тучи.

Тюльпан над палым листиком затеплился свечой

Смахнула роща чахлая
последний снег с плеча,
проснулась мать-и-мачеха
от пения ручья.

За дымкой первой зелени
зеркальная вода,
крупницу солнца селезень
достал со дна пруда.

С обидами покончено,
твоя улыбка - знак,
цветущей вербы облачко
накрыло березняк.

Любви простая истина -
от слова горячо...
тюльпан над палым листиком
затеплился свечой.

А солнечные зайчики со мной в ненастье выжили

Дожей ночные шорохи,
и сны - клочками рванными,
цветущие черёмухи
плывут к окну туманами.

К окну ночами клонится
под стук дождя акация,
ругнёшь в сердцах бессонницу -
ушедшим в мае маяться.

Листву сжигали палую
и свист метели слышали,
сизарь полоску алую
крылом провёл над крышами.

И прячут одуванчики
печаль в ресницы рыжие...
а солнечные зайчики
со мной в ненастье выжили.

Из серебра цепочки у вербы на руках

Уже проснулись почки,
зима осталась в снах,
из серебра цепочки
у вербы на руках.

Любовь и память святы
на наш короткий век,
в кустах бумагой мятой
лежит последний снег.

Листочка рваный парус
качает сонный пруд,
пока былым я маюсь,
ты создаёшь уют.

Худых берёз рубахи
заношены до дыр,
дожди, невзгоды... птахи
весенний славят мир.

Большие родинки проталин целует солнце поутру

На клёны глянешь - одни мощи,
но сумрак уступает дню,
и ждут берёзовые рощи
свою грачиную родню.

Худой сугроб уткнулся в землю,
лоскутья туч на тополях,
воркует голубь, тени дремлют
на белых мятых простынях.

Словам пустым узнали цену,
и кто - чужак, и кто - родной,
и бьётся голубая вена
ручья под коркой ледяной.

Снега, невзгоды - не пропали
и устояли на ветру...
большие родинки проталин
целует солнце поутру.

Сотрёт каракули теней под утро белая пороша

Года войдут тихонько в сны,
недели пролетят аллюром,
из рамок окон до весны
не снимешь зимние гравюры.

И знает сгорбленный фонарь,
что в сумраке душе противно,
и выкормыш зимы - февраль
загонит в душные квартиры.

К чужим привяжешься сильнее -
с чужими легче быть хорошим,
сотрёт каракули теней
под утро белая пороша.

Вздохнёшь, что нет былой любви,
смолчу - нельзя всё мерить прошлым...
запомнят в стужу воробьи -
спасёшься, подбирая крошки.

Допоздна в метель не спится

На дома, на тополь голый
снегопад обрушил небо,
воробьи и сизый голубь
не дождались крошек хлеба.

За судьбой не доглядели,
допоздна в метель не спится,
за петлёй петля - недели
на твои ложатся спицы.

Никого с тобой не судим,
что в душе печали кокон,
и берёза с белой грудью
зазвенит серьгой у окон.

И ручья подхватят голос
поутру хоры капли...
и простишь за белый волос,
и за то, что не допели.

Худые лодыжки рябины заботливо моет ручей

Стареем - никак без таблеток,
без вздохов и глупых обид,
в фонтанах берёзовых веток
апрельское небо рябит.

Не сетуй - судьба не скупая,
и дней не так много пустых,
тепло воробьи покупают
за медь прошлогодней листвы.

И нечем особо хвалиться,
и плакаться повода нет,
на грудке у каждой синицы
блестит золотой амулет.

Запомнило сердце - любили
и радости лучше врачей...
худые лодыжки рябины
заботливо моет ручей.

Пора учить язык грачей

Над тенью ветер посмеётся,
взъерошит волосы рябин,
а в лужице монетку солнца
нашли и делят воробьи.

На волю из ледовой клетки
подснежник рвётся и ручей,
и шепчутся худые ветки -
пора учить язык грачей.

Мотивы нудные метели
сменило пение синиц,
не хочет слышать звон капли
седой сугроб, упавший ниц.

И что вчера казалось важным -
ненужный лист черновика -
плывёт корабликом бумажным
по синей луже в облака.

Подойдёшь к окну босая

Ждём - разбудит гомон грачий
лес и лёд замёрзших рек,
о метелях белых плачет
только ноздреватый снег.

От зимы осталось долгой -
вздых, неделя до тепла,
месяц - золотой заколкой -
вденет в волосы ветла.

У нагих берёз истома,
вместе с ними подожди -
и большой сугроб у дома
ночью расклюют дожди.

Пробежал февраль короткий,
подойдёшь к окну босая...
золотые самородки
солнце в лужицы бросает.

Вчерашний снег - полоской белой

Стоим с тобой на перепутье,
а осень в рубище берёз
сшивает серых туч лоскутья
стежками веток вкривь и вкось.

Вчерашний снег - полоской белой,
на ивах мокрое рваньё,
тревожат дремлющее небо
и голуби, и вороньё.

Немного у судьбы просили,
а жизнь, гадай, как повернёт,
и бьётся сердцем лист осины,
вмерзая в первый тонкий лёд.

И где ему тепло и место,
живое чувствует нутром...
зима вся в белом, как невеста,
не помнит осень в золотом.

Уходит пора золотая

Уходит пора золотая,
поплачься, себя пожалей,
берёза обноски латает
цыганской иголкой дождей.

А клёны не прячут нагие
узлы выступающих вен,
и мучает нас ностальгия,
и просит душа перемен.

Ты рядом, к чему торопиться
с утра в суматоху недель,
зонты, словно чёрные птицы,
куда-то уносят людей.

С намокшей травы не поднимешь
осины цветастый платок...
что там - за туманами - финиш,
а может быть, новый виток.

Багряным сердцем бьётся осиновый листок

Багряным сердцем бьётся
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблён,
пылают жаром листья -
обжёт ладони клён.

С берёзой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим -
пойдёшь и босиком.

Что многое нам поздно -
дождя ночного бред...
а осень льёт из бронзы
воспоминанья лет.

Осины красятся румянами

К утру измученный бессонницей
вздохнёшь - не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты всё предаёшь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
и кем-то осени поручено
всё ставить на свои места.

А мы, как поздние цветы

У зеркала притихла ты -
морщинки и седая прядь,
а мы, как поздние цветы,
не верим - время увядать.

А в памяти ночной грозы
весенний день и майский гром,
какая осень без слезы,
без сожалений о былом.

И будь ты грешен, будь святой,
за птичьей стаей не взлететь...
и дождь серебряной метлой
метёт берёзовую медь.

Время лиловых туманов сирени

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер -
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавает в луже,
время - река без истока и устья,
дважды войдёшь - не расстанешься с грустью.

Следом за зноем - шумные грозы,
ангелы трав - голубые стрекозы...
время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

Ветла грустила о былом

Ветла грустила о былом,
дремала тёмная вода,
метнулась чайка и крылом
разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
и ласточка грозу звала,
и ты шептала - не к добру,
к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
и росчерк птичьего крыла,
петляя, нас с тобой тропа
по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
а там, где встретили весну,
сидят на зорьке рыбаки
и ловят звёзды на блесну.